

ПОЧЕМУ ЗАПРЕТИЛИ ЖЮЛЯ ВЕРНА

ДА, ИМЕННО Жюль Верна, и именно в бывшем Советском Союзе. Не всего, конечно. Речь идет о романе Жюль Верна «Мишель Строгофф», о русском романе великого фантаста, пожалуй, даже более чем русском. И странно, что именно этому роману не повезло в России — как в старой, так и в новой.

Причем это не очередной опус «а ля русс», каких немало было создано и все еще создается на Западе. К «русской» теме обращался не какой-нибудь искалеченный славянской экзотики, а один из пророков прошлого века, к тому времени (1876 г.) уже доказавший свое право говорить о том, чего не может себе отдаленно представить даже специалист. А в романе «Мишель Строгофф» были поразительные, судьбоносные пророчества о ближайшем будущем России. В самом деле, почему так старательно прятали этот роман от читателей в стране победившего социализма, когда его автор был в первой десятке самых издаваемых в СССР? Чего боялась советская власть? Что стоит за этим?

Думается, что даже самый лапидарный пересказ фабулы ответит на многие вопросы. Действие романа происходит на обширной территории царской России, по всей вероятности, во второй половине прошлого века, при Александре II.

Роман начинается тревожным сообщением: министр внутренних дел докладывает императору о том, что нет связи с Иркутском, телеграфная линия, связывающая столицу с Восточной Сибирью, повреждена. Линию повредили повстанцы. Среднеазиатские ханства под верховодством Феофара-хана объединились с другими тюркскими племенами и народностями, поставив перед собой цель — отрезать Сибирь от Русской империи и превратить ее в огромное тюрко-татарское государство. Одни только киргизы не присоединились к восставшим ханам.

Это восстание с точки зрения военных не представляет особой опасности для могучей российской армии, и, кажется, весь вопрос во времени. Но два обстоятельства осложняют ситуацию: во-первых, к восставшим ханам присоединился полковник русской армии Иван Огарев — сын русского отца и матери-монголки. Именно он организует действия башибузукской армии ханов. Во-вторых, в отрезанном от столицы Иркутске находится брат императора. Великий князь с малочисленным гарнизоном. Он не знает, что Иван Огарев предатель, а между тем предатель-полковник под маской преданного офицера спешит якобы на помощь Великому князю, но с целью вывести его из крепости и выдать восставшим ханам. В случае подобного развития событий они могут оказать сильное моральное давление на императора, и трудно сказать, что будет дальше. Существует только один выход из создавшегося положения: спешить в Иркутск, чтобы успеть предупредить Великого князя о готовящемся заговоре. Министр представляет императору группу отчаянных смельчаков, полных решимости выполнить почетное поручение. Царь выбирает Михаила Строгова — мужественного офицера, потомственного сибиряка. С этого момента начинается одиссея смелого, находчивого и преданного курьера царя — Михаила Строгова. После тяжелых испытаний, нечеловеческих мучений, всевозможных приключений и преодоления немисли-

мых преград Михаил Строгов точно и вовремя выполняет поручение Батюшки-царя, тем самым спасая великую империю от надвигающейся опасности.

Конечно же, в те годы Ж. Верн не мог видеть зеленой карты Великой Турции, о чем, наконец, недавно заговорило Центральное телевидение Москвы. Этой карты, в таком виде, в каком она существует сейчас и в каком ее раздают прибывающим в Турцию туристам, тогда еще не существовало. Но идея уже была, и Высокая Порта еще с середины прошлого века проводила определенную работу в этом направлении.

Тот, кому довелось хоть раз взглянуть на это картографическое воплощение туранской мечты, не мог не заметить обилие зеленого цвета на территориях Кавказа и Закавказья, Средней Азии, Восточной и Западной Сибири, Поволжья, даже на территории Черноземья. Единственное, что оставлено русскому народу на этой карте, — кузнец Московское княжество Ивана Калиты. Ж. Верн словно предвидел вероятность подобного развития истории. И самое удивительное, что военные действия, предшествовавшие роману, говорили о совершенно обратном — о победоносной российской экспансии на всей территории Средней Азии: в 1873 г. русская армия без особых трудностей завоевала Хивинское ханство. И вообще, в течение XVIII — XIX веков российское оружие не раз заставляло турок, среднеазиатских ханов делать значительные политические и территориальные уступки. Все говорило о том, что русское влияние продвинется еще дальше на юг, завоевывая новые территории, что и произошло вскоре после публикации романа, в 1877—78 годах, в ходе русско-турецкой войны. Однако фантазия Ж. Верна смотрела дальше этих событий.

«Мишель Строгофф» поражает именно силой своего предвидения. Известно, что сбылись почти все научные и социальные пророчества великого писателя. Между тем этот роман отличается от всех остальных его романов; здесь речь идет о политическом, точнее, геополитическом предвидении, которое, по сути дела, начало осуществляться с убийства царя Александра II, закрепилось в октябре 1917 г. и в разных проявлениях продолжается по сей день в различных регионах бывшего СССР и нынешнего СНГ, и еще неизвестно, где и когда взорвется эта мина замедленного действия...

Работа над романом «Мишель Строгофф» началась в 1875 г. Об этом свидетельствует переписка писателя со своим издателем Этцелем: «Я не могу сейчас думать ни о чем другом — это меня в высшей степени увлекает. Сюжет чудесный и дает прекрасные положения», — так писал Ж. Верн о «Мишеле Строгоффе» в письме от 29 марта 1875 г. Идея нового романа настолько увлекла писателя, что он временно прекратил работу над одним из своих лучших произведений — «Гектором Сервадаком». Но издатель явно не разделял энтузиазма Ж. Верна. У него были на то свои причины. Довольно охладевшие франко-русские отношения наконец стали заметно улучшаться. Политические круги Франции, следовательно, и цензура, были более чем осторожны в отношении любой публикации о России. Поэтому понятно, что зорко следивший за политической конъюнктурой дня издатель в свою очередь с опаской смотрел на странную затею своего доходного автора.

Однако Ж. Верна уже невозможно было остановить. Предчувствия ясновидящего писателя были сильнее, чем пугливая осторожность недальновидных издателей. «Я пустился в Сибирь, да так, что

если бы я захотел изобразить захват Франции Голландией».

Было бы смешно утверждать, что французский писатель лучше И.С. Тургенева знал Россию. Но одно дело знание материала и действительности, другое — предвидение. Кроме того, в данном случае мы имеем дело не только с разными творческими натурами, но и с разными национальными мировоззрениями.

Перед тем, как напечатать роман, издатель по ходатайству И.С. Тургенева посылает корректурные листы на консультацию российскому послу в Париже графу Орлову. Посол в романе не находит «ничего предосудительного», однако советует поменять название: вместо «Курьер царя» сделать «Мишель Строгофф». Русская цензура с невероятной осторожностью рассматривала все, что имело прямое или косвенное отношение к августейшему императору и его семье. Ж. Верн с большой неохотой согласился на это. Ведь заглавие носило в себе определенное авторское отношение к вероятным событиям: российское самодержавие в лице царя — надежный щит против азиатского варварства. Можно даже сказать, что в этом вопросе взгляды Ж. Верна совпадали с теорией о спасительной роли России Вл. Соловьева.

Роман вышел в 1875 году в «Журнале воспитания и развлечения» и вызвал недоумение многих критиков именно своим «неправдоподобием». Близорукость всегда бывает категоричной. Ж. Верн был возмущен: «Да, татарское нашествие — почему бы и нет, имею же я право на писательский вымысел». Издатель, боясь цензуры, предложил автору обратиться к читателю с уведомлением о том, что изображенные в романе события и люди — плод выдумки. Автор жертвует второстепенным, чтобы спасти главное, соглашается снять «все, что может быть приписано нынешнему царю или его отцу». Вот почему события в романе как будто разворачиваются в некоем вневременном пространстве. «Догадно, — пишет автор, — что цензура читает книги так поверхностно. Тургенев, который знает Россию не хуже этих господ, не усмотрел в этом ничего предосудительного».

«Мишель Строгофф» отдельной книгой вышел в 1876 году. Успех его превзошел все ожидания. По мотивам романа был поставлен спектакль в парижском театре «Одеон», который пользовался немалым успехом. Как утверждает биограф писателя, его внук Жан Жюль Верн, «спектакль был настолько хорош, что фраза «Прекрасно, как «Строгофф», стала поговоркой! Пошла мода на все русское, каракулевые шапочки произвели фурор. А раз уж женщины выражали таким образом свое одобрение, значит, автор одержал полную победу!»

Однако этого успеха оказалось недостаточно для того, чтобы роман был переведен и издан в России. Предосторожность ли русских дипломатов или ограниченность имперских цензоров тому причиной, неизвестно, но «русский» роман Ж. Верна до 1900 года оказался под запретом. И даже после снятия запрета роман, написанный исключительно в пользу русской империи и русского царя, всего лишь дважды был издан на русском языке. Второй раз он был запрещен сразу после 1917 года... Надо было его держать подальше от рабочекрестьянских широчайших масс. Хорошо еще, что всего Ж. Верна не «отстранили» от советской действительности. А то могли ведь и так... А из всех советских монографистов о Ж. Верне (К. Андреев, Л. Борисов, Е. Брандис, пожалуй, лишь Е. Брандис мелком упоминает об одном из лучших романов великого писателя: «...при всей неправдоподобности этого сказочного сюжета автору удалось создать обаятельный образ благородного и мужественного Михаила Строгова».

Насколько этот сюжет «сказочен», можно судить, взглянув на нынешнюю карту России. Да разве только России? Роман Ж. Верна фактически по сей день под запретом. Трудно сказать, по старой ли инерции это или... Захотят ли издать «Мишеля Строгоффа» в новой России? И как он будет воспринят в этой политической обстановке? Ряд историков, в числе которых есть и армяне, утверждают, что «во внешней политике Турции пантюркизм уже долгое время не играет существенной роли». Как бы хотелось хотя бы нам, армянам, без оглядки, поверить в эти слова!.. Но пора посмотреть правде в глаза. Тем более, что предвидение великого фантаста — увы! — уже во многом сбылось. Чем все завершится? Сказать трудно. Многие могут со мной не согласиться. Даже после прочтения романа. Это их право. Но еще раз хочу напомнить, что сегодня в Турции на высококачественной бумаге, в современных типографиях размножаются и распространяются зеленые карты Великого Турана, где большая часть территории России, с запада на восток, с юга на север, окрашена в зеленый цвет. Карта раздается туристам... бесplatно и к сведению...

Александр ТОПЧАН

не могу остановиться. Мой роман скорее татарский, чем русский», — писал Ж. Верн в апреле 1875 г.

В конце апреля 1875 года первая часть романа уже была закончена. Отправив ее издателю, он продолжает усиленно работать. В июле того же года специально едет в Ле-Трепор, чтобы за несколько недель закончить вторую часть. «Дорогой Этцель, — пишет он из Ле-Трепора, — я получил Ваше письмо и корректурные листы, первого тома «Курьера царя». В Ваших пометках есть много ценного. Я все приведу в порядок, но после того, как получу замечания Тургенева».

Издатель по настоятельному требованию автора посылает роман на ознакомление И.С. Тургеневу. Последний, помимо нескольких полезных советов, делает одно замечание: захват России тюрко-татарскими племенами более чем неправдоподобен. «Книга Верна, — пишет И.С. Тургенев издателю, — неправдоподобна — но это неважно; она занимательна. Неправдоподобие заключается в нашествии бухарского хана на Сибирь в наши дни — это все равно, как

* Статья (с небольшим сокращением) переиздается из газеты «Эпоха», выходящей в Ереване на русском языке.